

DOI: 10.15393/j9.art.2013.373

Людмила Васильевна Стебенева (Гайворонская)

кандидат филологических наук,
доцент кафедры филологии,
Академия социального управления
(Москва, Российская Федерация)
lvstebeneva@gmail.com

**«БЕССМЕРТИЕ ДУШИ МОЕЙ...»:
К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ
ПУШКИНСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ
«Я ПАМЯТНИК СЕБЕ ВОЗДВИГ»***

Аннотация: Пушкинское преодоление смерти репрезентируют две линии его творчества: стоическое христианское ее принятие и отождествление бессмертия души с творческим наследием. Особое место в разрешении этого вопроса занимает Каменноостровский цикл. В семантических контрполюсах цикла Пушкин абсолютной духовной смерти («Подражание италиянскому») противопоставляет смерть Иную — Искушительную, которая приобщает к вечной Жизни («Мирская власть»). Итоговое созерцание идеалов прошлых лет в стихотворении «Из Пиндемонти» указывает на смещение мировоззренческих акцентов в творческом сознании Пушкина: античный вектор получает направленность в чистую эстетику, тогда как пушкинская смертная тоска избывается в ценностях христианства. Эти идеи достигают апофеоза в стихотворении «Я памятник себе воздвиг», венчающем пушкинские духовные искания последних лет, однако остающемся за скобками Каменноостровского цикла. Как выясняется, темы и мотивы манифеста-завещания появляются еще в лицейской лирике и просматриваются на протяжении всего творчества Пушкина.

Ключевые слова: смерть, поэт, память, бессмертие, христианское вероучение, преодоление смерти

Пушкина всегда глубоко волновала мысль о смерти. О загробной участи и бессмертии души он начал задумываться рано («Безверие» (1817), «Люблю ваш сумрак неизвестный» (1822), «Надеждой сладостной младенчески дыша» (1823), и др.). На протяжении всего творчества поэт невольно сравнивает *тщеславное тление* («Послание Дельвигу» (1827), «Когда за городом, задумчив, я брожу» (1836)) и святое *нетление* (преподобного «На тихих берегах Москвы» (1822), убиенного царевича Димитрия в «Борисе Годунове» (1825), неизвестного отшельника в стихотворении «На Испанию родную» (1835)).

Пушкинские *томление и тоска* при наступлении «реальной» *весны* связаны с осознанием приближения собственной *смерти*, в чем он признается в начале седьмой главы «Евгения Онегина».

Каменноостровский цикл (1836) занимает особое место в пушкинском преодолении смерти [10], [11], [13], [7], [3], [1]¹. События, которым посвящены «(Подражание италиянскому)» (предательство и самоубийство Иуды) и «Мирская власть» (Распятие и Крестная мука Христа), пребывают в Вечности. Эти «событийные» стихотворения являются к тому же семантическими контрполюсами всего цикла: страшная телесная и духовная *смерть предателя-ученика* и последующие муки посмертной «жизни», инспирированной дыханьем дьявола, в «(Подражании италиянскому)» и смерть иная — Искупительная — в «Мирской власти». Знаменательно, что Пушкин расставил стихотворения в цикле в той очередности (а не в той, что написал их!), в какой соответствующие им события идут Великим постом. Сначала — покаянная молитва Ефрема Сирина, которая очищает и готовит сердце к сопереживанию и откровению событий Страстной седмицы. Смысловые истоки и нюансы пушкинской «Молитвы» достаточно глубоко исследованы и сравнивались не раз с оригиналом [10, 195—200], [3, 87—89], [5, 243—259]. Ведь святая Четыредесятница, совершаемая в память этих событий, приобщает христианина к вечности и вызывает «в текущую реальность момент теофании» [15, 358], [14]².

В «(Подражании италиянскому)» изображенная *смерть* страшит символической многомерностью и в то же время предельной конкретикой: тление плоти, приобщение к духовной смерти (*дхнул*) и муки посмертной «жизни». Американский славист С. Давыдов счел лексему «*дхнул*» звуковым «ублюдком» [3, 93]. И все-таки ученый не прав. В русской культуре этот старославянизм восходит к Псалтири и говорит о *дыхании* Бога—Духа: «Послет слово Свое, и истает я, *дхнет* дух Его, и потекут воды» (Пс. 147:7). Несомненно то (и об этом не раз говорилось), что в пушкинском стихотворении очевидна проекция (со знаком «минус») на акт творения человека в Книге Бытия: «И создал Господь Бог человека из

праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2:7). Только в «наоборотной» логике «(Подражания италиянскому)» *дьявол* оживляет *дыханьем труп* ученика-предателя, оставляя его без души... Самое главное, лексемой 'дхнул' Пушкин обозначает духовную сторону процесса. В творчестве Пушкина этот старославянизм встречается еще один раз (!), причем в ситуации противоположной *дыханью дьявола*. В поэме «Анджело» (1833) Изабела умоляет узурпатора о помиловании брата, напоминая о Том, «чья праведная сила / Прощает и целит», и утверждает, что этим поступком Анджело *возродится духовно*: «Подумай — и любви услышишь в сердце глас, / И милость нежная твоими дхнет устами, / И новый человек ты будешь»³. Бесспорно, в «(Подражании италиянскому)» Пушкин *дыханьем дьявола* знаменует *духовную смерть* Иуды.

Следом за «(Подражанием италиянскому)» Пушкин поставил стихотворение «Мирская власть». В сущности, он противопоставил абсолютной смерти иную — Искупительную, которая приобщает к вечной Жизни. Подразумевая эти логические отношения между стихотворениями, Пушкин изобразил только казнь Христа, не посмел представить то, что следует за Этой смертью. И тем не менее поэт думал о Воскресении. Очень возможно, что за пятым номером автор цикла мог поместить «Когда за городом, задумчив, я брожу», являя взору смерть обычных людей и раздумывая об итогах их устремлений (но не о загробной участи). Во второй части этого стихотворения ощутимо ожидание Воскресения — «дремлют мертвые в торжественном покое» (III, 422) — сокровенный смысловой пласт, присутствующий и в «Мирской власти». Это предположение подтверждает тематика следующего стихотворения — «Из Пиндеманти»: «громкие права», которые «не дорого» ценит лирический автор (III, 420), итогом имеют смерть и в действительности соответствуют «правам» *жадных гостей* «за нищенским столом» на публичном кладбище (III, 422).

В стихотворении «Из Пиндеманти» итоговое созерцание идеалов прошлых лет указывает на смещение мировоззренческих акцентов в творческом сознании Пушкина⁴. Как вид-

но, античный вектор получает направленность в чистую эстетику, тогда как пушкинская *смертная тоска* избывается в ценностях христианства.

И все же стихотворение «Я памятник себе воздвиг» (в дальнейшем используем распространенное название — «Памятник») находится за пределами Каменноостровского цикла: Пушкин не мог завершить им весь цикл, в котором первостепенными по отношению ко всем темам является Распятие и Смерть на Кресте, хотя тема Воскресения и обретения жизни вечной во Христе в «Памятнике» ключевая (и об этом чуть позже). Потому Пушкин вынес «Памятник» за скобки, венчая им «духовный цикл» последних лет и отвечая на собственные *смертные томления*. Несомненно, в этом стихотворении вопросы о *тленном* и *бессмертном* достигают наивысшего напряжения. Как представляется, пушкинский манифест сосредотачивает и объединяет в теме эсхатологической вечности две линии пушкинского творчества: стоическое христианское принятие-преодоление смерти и отождествление бессмертия души с творческим наследием, заявленное поэтом еще в лицейской лирике.

Действительно, Пушкин стремился преодолеть смерть прежде всего через идею творчества. Идея «бессмертия творений» возникает впервые в его лицейском стихотворении «В альбом Илличевскому» (1817): «Ах! ведает мой добрый гений, / Что предпочел бы я скорей / Бессмертию души моей / Бессмертие своих творений» (I, 258). Шутливое предпочтение вечной жизни творений, а не собственной души, изменяет смысл начальных строк: «Мой друг! неславный я поэт, / Хоть христианин православный...» (I, 258) Однако финал стихотворения свидетельствует о пушкинском выборе между «бессмертием творений», оживленных «идеальной аудиторией его поэзии», и «идеальным царством дружбы» [6, 35] в пользу последнего⁵:

Но пусть напрасен будет труд,
Твоею дружбой оживленный —
Мои стихи пускай умрут —
Глас сердца, чувства неизменны
Наверно их переживут! (I, 258)

Тема, намеченная в раннем стихотворении, с годами духовного роста автора наполняется иным содержанием и достигает апофеоза в «Памятнике»⁶.

* * *

Exegi monumentum

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не заростет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокой век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью Божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глупца.

Несомненно, эмоциональный фокус стихотворения заключается в строфах: *Нет, весь я не умру — душа в заветной лире / Мой прах переживет и тленья убежит* (III, 424). Последующие строфы раскрывают пушкинскую идею бессмертия. Поразительно то, что Пушкин выстрадал эти строфы на протяжении всей жизни. Можно сказать, что мысли «Памятника» начинают «биться» с первых поэтических опытов. Традиционно «Памятник» соотносят с одами Горация,

Державина, Ломоносова. Однако в разрешении вопроса о пушкинском изживании смерти нас интересует нечто другое, нежели аллюзивные или интертекстуальные связи пушкинских текстов, о которых написано множество работ. Нам важно понять внутреннюю, то есть авторскую, логику генезиса стихотворения «Я памятник себе воздвиг», задолго предвосхищенного во многих пушкинских текстах.

Так, в «Городке» (1815) появляются мотивы *возвышения* и *бессмертия* поэта:

*Кто лиру в дар от Феба
Во цвете дней возьмет!
Как смелый житель неба,
Он к солнцу воспарит,
Превыше смертных станет,
И слава громко грянет:
«Бессмертен век пиит!»* (I, 78)

В этой ранней апологии поэтического творчества упреждается и поэтический спор с тленом, и память поэта-потомка: «*Не весь я предан тленью <...> С моей, быть может, тенью / Полунощной порой Сын Феба молодой, / Мой правнук просвещенный, / Беседовать придет / И мною вдохновенный / На лире вздохнет*» (I, 78). Пессимистическим диссонансом «Памятнику» звучат строфы стихотворения «К Овидию» (1821), но стержень мысли тот же:

*Увы, среди толпы затерянный певец,
Безвестен буду я для новых поколений,
И, жертва темная, умрет мой слабый гений
С печальной жизнью, с минутною молвой...
Но если обо мне потомок поздний мой
Узнав, придет искать в стране сей отдаленной
Близ праха славного мой след уединенный —
Брегов забвения оставя хладну сень,
К нему слетит моя признательная тень,
И будет мило мне его воспоминанье.* (II, 197—198)

Совершенно очевидно, что через онтологическую сущность поэзии Пушкин осмысляет бессмертие, однако, воз-

можное благодаря памяти поэта-собрата, поэта-потомка. И в этой перспективе сюжетная коллизия Ленского в романе «Евгений Онегин» неожиданно намечает строфы «Памятника». Знаменательно описание календарной весны в конце шестой и в начале седьмой главы в диаметрально противоположных ситуациях⁷. В шестой главе романа в стихах после всех элегических вздыханий о погибшем поэте Ленском в таком же элегическом ракурсе представлена и могила поэта: «Там у ручья в тени густой / Поставлен *памятник простой*» (VI, 134). Весна шестой главы вопреки пророчествам Ленского — время всеобщей *памяти* (у памятника Ленского любит отдыхать пахарь, появляются жницы, пастух, «горожанка молодая»). Однако в обрисованной ситуации нет ни одного близкого человека, знавшего поэта, а этот факт приравнивает *память* к *забвению*. Как видно, этой поэтической картиной автор-поэт отдал дань «собрату по перу», предваряя тем самым установку своего «Памятника» (1836) — «И славен буду я, доколь в подлунном мире / Жив будет хоть один пиит» (III, 424). Действительно, в пушкинском мире лишь *поэт хранит память*⁸. Потому идиллическая картина всеобщего сожаления в конце шестой главы — несомненный жест автора-поэта — в начале седьмой превращается в реальную картину *равнодушного забвения*. Из всех посетителей *смирной урны* Ленского «останется» лишь одинокий пастух, едва ли не пасторальный знак *памяти* об *элегии*. Совершенно в ином свете предстает и могила поэта: «Но ныне... памятник унылый / *Забит*. К нему привычный след / *Заглох*. Венка на ветви нет» (VI, 142). И это почти «репетиция» известной строфы «Памятника» (1836): «К нему не заростет народная тропа» (III, 424). Такое прочтение очевидно, поскольку, одновременно симпатизируя и иронизируя, автор все же изобразил Ленского плохим *поэтом*. Однако в романе Ленский выступает и знаком поэтической молодости автора — «Мой бедный Ленский!» (VI, 143) А посему автор, распрощившись с поэтическими предпочтениями своей юности, со всей искренностью *благодарит юность за все ее дары*. По крайней мере, в VIII главе среди всех «формул блаженства» — *блажен, кто* — Пушкин поставит заключительным

аккордом ту, которая напомним о *безвременно ушедшем поэте* Ленском: «Блажен, кто праздник Жизни рано / Оставил, не допив до дна / Бокала полного вина, / Кто не дочел ее романа / И вдруг умел расстаться с ним, / Как я с Онегиным моим» (VI, 190).

Пушкин вновь и вновь возвращается к теме *памяти поэта* как условия поэтического бессмертия и в стихотворении «Презрев и голос <?> укоризны» (1824): «Настанет час желанный / И благосклонный <?> славянин / К моей могиле безымянной...» (II, 311). Подобные послы «Памятника» обнаруживаются и в стихотворении «Андрей Шень» (1825): «Я скоро весь умру. / Но, тень мою любя, / Храните рукопись, о други, для себя!» (II, 354) Однако в последующих строфах Пушкин обращается к заветной теме послушания поэта, его особого права обличать: «Гордись и радуйся, поэт: / Ты не поник главой послушной» (II, 355). И в стихотворении 1824 г. «Разговор книгопродавца с поэтом» начинают просматриваться духовные векторы «Памятника»:

*Блажен, кто <...> от людей, как от могил,
Не ждал за чувство воздаянья! <...>
Что слава? шопот ли чтеца?
Гоненье ль низкого невежды?
Иль восхищение глупца?* (II, 291)

Гордое смирение «Памятника» выковывается в стихотворении «Поэт» (1827): *К ногам народного кумира / Не клонит гордой головы* (III, 65). В стихотворении «Поэт и толпа» (1828) появляется понимание призвания поэта (как в «Памятнике») в апелляции черни к долгу *поэта*: «Ты можешь, ближнего любя, / Давать нам смелые уроки» (III, 142). Однако ответ *поэта* толпе пока в негативе к «Памятнику»: «Не оживит вас *лиры глас!*» Еще нет милосердного спокойствия «Памятника», но мысль та же в стихотворении «Поэту» (1830): «Услышишь *суд глупца* и смех толпы холодной, / Но ты останься *тверд*, спокоен и угрюм» (III, 223). Напомним, что личные права в стихотворении «Из Пиндемонта» апеллируют и к стихотворению «Поэт», и к «Памятнику»: «...для власти, для ливреи / Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи» (III, 420).

Однако своим смирением «Памятник» контрастен сентенциям «Из Пиндемонти», потому как высшие права и свобода искусства (*воля поэта*), по Пушкину, в том, чтобы быть послушным Богу: «Веленью Божию, о муза, будь послушна» (III, 424). Неслучайно в пушкинском творчестве с *волей/свободой поэта* перекликается мотив *малой весенней птички* (которая «гласу Бога внимлет» (IV, 183)), а также *несвобода* птички («Птичка» (1823) и «Забыв и рощу и свободу» (1836)). В высоком смысловом регистре этот тематический комплекс восходит к *евангельским малым птицам за два ассария*, неволя которых в *воле Бога*: «и ни одна из них не забыта у Бога» (Лк. 12:6). Однако в стихотворении 1836 г. «невольный чижик» «песнью шетится живой» (III, 438), которая начинается *по гласу Бога*: «Встрепенется и поет» (IV, 183).

Необходимо сказать и о том, что идеи раннего стихотворения «В альбом Илличевскому» (1817) не равноценны мыслям зрелого автора в стихотворении «Памятник» (1836), более того, отношения между этими стихотворениями полемичны. Диалогичность вообще свойственна творческому сознанию А. С. Пушкина. Когда-то он отметил Великий пост в кошунственных строфах «<В. Л. Давыдову>» (1821) и ерничал над молитвой Ефрема Сирина в письме к Дельвигу от 23-го марта 1821 г. (XIII, 25), а в Каменноостровском цикле 1836 г. обращается к событиям Страстной седмицы и главной молитве Великого поста. В год нравственных падений (в кишиневской ссылке) Пушкин, по воспоминаниям современников, смеялся над проповедью митрополита в неделю «О блудном сыне», однако через десять лет создает самую пронзительную повесть по канве евангельской притчи... Изменение ума есть покаяние. Обретая «покой и волю» и возрастая духовно, Пушкин осмысляет предназначение поэзии в ключе христианского вероучения.

Для понимания пушкинского изживания смерти в «Памятнике» христианские мотивы являются ключевыми (в дальнейшем опираемся на тонкий анализ этого стихотворения в монографии О. Проскурина [8, 288—300]).

Ассоциация, вызванная первой строкой, возводит поэзию на уровень христианского освоения вечности. Определение

нерукотворный в православной культуре традиционно сочетается в названии иконы «Спас нерукотворный» — лик Христа, запечатленный на плате перед тем, как Спаситель взошел на Голгофу. Так «нерукотворный памятник» получает связь с темой Смерти и Воскресения Христа и противопоставляется *кумирам* и *столпам* материальным. Поэзия, по мысли Пушкина, непокорна власти государства, вставшего на путь идолопоклонства, — она покоряется лишь Богу. В таком случае поэтическое творчество уподобляется «миссии апостолов» (О. Проскурин), проповедующих заповеди Христа:

И долго буду тем любезен я народу,	—	<i>проповедь разумного,</i>
Что чувства добрые я лирой пробуждал		<i>доброто, вечно;</i>
Что в мой жестокой век восславил я	—	<i>милосердие,</i>
Свободу		<i>сострадание;</i>
И милость к падшим призывал.		
Веленью Божию, о муза, будь	—	<i>служенье Господу;</i>
послушна		
Обиды не страшась, не требуя венца	—	<i>смирение;</i>
Хвалу и клевету приемли равнодушно	—	<i>отказ от мирского;</i>
И не оспривай глупца.	—	<i>не осуждай.</i>

Пушкинский поэт, обладающий чертами *ветхозаветного пророка*, обличающего пороки толпы («Разговор книгопродавца с поэтом...», «Пророк», «Поэту» и т. д.), позднее (в «Памятнике») уподобляется *новозаветному апостолу*, который проповедует христианские заповеди любви, милосердия и смирения. Об апостольской миссии поэта в пушкинском «Памятнике» пишут О. Проскурин [8, 288—300], А. А. Фаустов [12, 41]. В. Соловьева «смущала» *универсальность* миссии пушкинского «Пророка»: «И, обходя моря и земли, / Глаголом жги сердца людей!» [9, 53—55]. По мнению философа, такое характерное несовпадение миссий пушкинского *пророка* и исторического позволяет прочесть в последних строках стихотворения кредо *поэта*. Да, это цель поэта: в этих строках Пушкин говорит о миссии *поэта-Апостола* (новозаветного пророка), которая в том, чтобы «обходить земли», «глаголом жечь сердца людей» и «милость к падшим призывать».

Душа поэта, чье творчество подобно миссии апостолов, проповедовавших Слово Божие, обретает жизнь вечную во Христе: «Нет, весь я не умру — душа в заветной лире / Мой прах переживет и тленья убежит...» Пушкинский «Памятник» наполнен и эсхатологическим смыслом. Слава поэта имеет границу в историческом времени: «...доколь в подлунном мире / Жив будет хоть один пиит». Распространение поэтического слова имеет конечную цель, как и проповедь Слова Божия во вселенной. Однако конец истории человеческой означает начало новой вечности...

Пушкин прошел долгий путь, прежде чем связал бессмертие души с христианским послушанием поэзии Богу.

Примечания

- * Статья выполнена в рамках разработки научной темы «Семиотика и типология русских литературных характеров (XVIII — начало XX вв.)», при финансовой поддержке гранта РФФИ 12-04-00041а.
- ¹ Вопросом о составе и порядке стихотворений, входящих в так называемый Каменноостровский цикл, занимались многие пушкинисты. См., к примеру, работы В. П. Старка, Е. А. Тодеса, С. А. Фомичёва, Дж. Майкльсона, С. Давыдова. Мнение автора статьи о порядке стихотворений в пушкинском цикле отражено в статье «К семантике весны у Пушкина: Каменноостровский цикл». Помимо классически утвержденного состава — «Отцы пустынноики и жены непорочны...», «(Подражание италиянскому)», «Мирская власть», «Из Пиндемонти» — к циклу присоединяют и «Напрасно я бегу к Сионским высотам...», «Когда за городом, задумчив, я брожу» и «Я памятник себе воздвиг». Тодес даже предлагает различать и «духовный цикл 1835 — 1836 годов, который мог полностью или частично войти в Каменноостровский цикл», и в его рамках рассматривает «Странник» (1835), присовокупляя близкое по времени и по теме стихотворение «На Испанию родную» (1835). См. Тодес Е. А. К вопросу о каменноостровском цикле // Проблемы пушкиноведения: Сб. науч. тр. Рига: ЛГУ им. П. Стучки, 1983. С. 26—27.
- ² О возвращении-воспроизведении Священного времени в обрядах и ритуалах М. Элиаде пишет и в книге «Священное и мирское».
- ³ Цитаты приводятся по: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17-ти т. М.: Воскресение, 1994—1997. В приводимых по этому академическому изданию примерах пушкинских текстов сохранены некоторые особенности орфографии А. С. Пушкина.

- ⁴ На это обращает внимание Е. А. Тодес. Указ. соч. С. 44.
- ⁵ Как справедливо замечает Ю. М. Лотман, лицейское братство стало для Пушкина, легко покинувшего отчий дом, семьей и идеальным поэтическим собеседником.
- ⁶ Воспроизводим стихотворение целиком для дальнейшего выявления его мотивов в других пушкинских текстах.
- ⁷ На это впервые обращает внимание В. А. Кошелев.
- ⁸ См. по этому поводу размышления в статье Л. В. Гайворонской «Память в контексте поэтического у Пушкина».

Список литературы

1. *Гайворонская Л. В.* К семантике весны у Пушкина: Каменноостровский цикл // Филологическое образование в школе и вузе: Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие» Кирилло-Мефодиевских чтений. М.: Ярославль: Ремдер, 2008. С. 184–189.
2. *Гайворонская Л. В.* Память в контексте поэтического у Пушкина // Аспекты литературной антропологии и характерологии. Воронеж: Воронежский гос. ун-т; Издательский дом Алейниковых, 2009. С. 82–92.
3. *Давыдов С.* Последний лирический цикл Пушкина // Русская литература. 1999. № 2. С. 86–108.
4. *Кошелев В. А.* Евангельский «календарь» пушкинского «Онегина» (к проблеме внутренней хронологии романа в стихах) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. Вып. 3: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 1. С. 131–150.
5. *Лепяхин В.* «Отцы пустыньники и жены непорочны...» (Опыт подстрочного комментария) // А. С. Пушкин: Путь к православию. М.: Отчий дом, 1996. С. 243–259.
6. *Лотман Ю. М.* Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. 1960–1990. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. СПб.: Искусство – СПб, 1995. 847 с.
7. *Майклсон Дж.* «Памятник» Пушкина в свете его медитативной лирики 1836 года // Концепция и смысл: Сб. ст. в честь 60-летия проф. В. М. Марковича. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. С. 125–139.
8. *Проскурин О. А.* Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 462 с.
9. *Соловьёв В.* Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX–XX век. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. С. 37–89.

10. *Старк В. П.* Стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны...» и цикл Пушкина 1836 г. // Пушкин. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1986. Т. 10. С. 193–203.
11. *Тодес Е. А.* К вопросу о каменноостровском цикле // Проблемы пушкиноведения. Рига: ЛГУ им. П. Стучки, 1983. С. 26–44.
12. *Фаустов А. А.* Авторское поведение Пушкина: Очерки. Воронеж: ВГУ, 2000. 321 с.
13. *Фомичев С. А.* Последний лирический цикл Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. Л.: Наука, 1985. Вып. 20. С. 52–66.
14. *Элиаде М.* Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999. 488 с.
15. *Элиаде М.* Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.

Lyudmila Vasil'evna Stebeneva (Gayvoronskaya)

*Ph.D. in Philology,
Associate Professor of the Department of Philology,
Academy of Social Management
(Moscow, Russian Federation)
lvstebeneva@gmail.com*

IMMORTALITY OF MY SOUL...: THE GENESIS OF PUSHKIN'S POEM EXEGI MONUMENTUM (I HAVE ERECTED A MONUMENT TO MYSELF)

Abstract: Pushkin's overcoming of death is represented by two aspects of his work: stoical Christian acceptance of death, and identification of immortality of a soul with creative heritage. A special role in understanding of this issue is given to the *Kamennooostrovsky cycle of poems*. Choosing the semantic counter-poles of the cycle, Pushkin opposes absolute spiritual death (*Italian Imitation*) against redemptional death, which introduces people to Eternal life (*Temporal power*). Poet's final contemplation of his past ideals in the poem *From Pindemonti* shows the alteration of the ideological emphasis in his artistic consciousness: An antique vector is transformed into pure aesthetics, whereas his fear of death is relieved by Christian values. These ideas reach their apotheosis in the poem *Exegi Monumentum (I have erected a monument to myself)*, which accomplishes Pushkin's spiritual quest of his final years, though it is not a part of his *Kamennooostrovsky cycle of poems*. It has been pointed out that Pushkin's bequest/manifesto themes and motifs first appeared in his Lyceum works and can be traced throughout all his creative periods.

Keywords: death, poet, memory, immortality, Christian teaching, overcoming death

References

1. Gayvoronskaya L. V. K semantike vesny u Pushkina: Kamennooostrovskiy tsikl [Pushkin's Semantics of Spring: Kamennooostrovsky Cycle of Poems]. *Filologicheskoe obrazovanie v shkole i vuze: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Slavyanskaya kul'tura: istoki, traditsii, vzaimodeystvie» Kirillo-Mefodievskikh chteniy* [Philological Studies at School and University: "Slavic Culture: Roots, Traditions, Interaction" International Academic Conference Writings of St. Cyril and Methodius Readings]. Moscow; Yaroslavl, Remder Publ., 2008, pp. 184–189.
2. Gayvoronskaya L. V. Pamyat' v kontekste poeticheskogo u Pushkina [Memory in Pushkin's Poetic Context]. *Aspekty literaturnoy antropologii i kharakterologii* [Aspects of Literary Anthropology and Characterology]. Voronezh, Voronezh State University; Aleynikovs Publ., 2009, pp. 82–92.
3. Davydov S. Posledniy liricheskiy tsikl Pushkina [Pushkin's Last Lyrical Cycle]. *Russkaya literatura*, 1999, no. 2, pp. 86–108.
4. Koshelev V. A. Evangel'skiy «kalendar» pushkinskogo «Onegina» (k probleme vnutrenney khronologii romana v stikhakh) [Evangelical «Calendar» in Pushkin's Onegin (The Problem of the Poetic Novel Inner Chronology)]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, PetrSU Publ, 1994. Vol. 3: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature 18–20 vekov: tsitata, reminitsentsia, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel Text in Russian Literature of the 18th–20th Centuries: Quotation, Reminiscence, Motif, Plot, Genre]. Issue 1, pp. 131–150.
5. Lepakhin V. «Ottsy pustynniki i zheny neporochny...» (Opyt podstrochnogo kommentariya) ["Hermits and Virgins..." (A running commentary essay)]. A. S. *Pushkin: Put' k pravoslaviyu* [A. S. Pushkin: Towards Orthodox Christianity]. Moscow, Otchiy Dom Publ., 1996, pp. 243–259.
6. Lotman Yu. M. *Pushkin. Biografiya pisatelya. Stat'i i zametki. 1960–1990. Roman A. S. Pushkina «Evgeniy Onegin». Kommentariy* [Pushkin: Biography of the Writer. Articles and Notes. 1960–1990. A. S. Pushkin's Novel "Eugene Onegin". A Commentary]. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 1995. 847 p.
7. Mayklson Dzh. «Pamyatnik» Pushkina v svete ego meditativnoy liriki 1836 goda [Pushkin's Poem "Exegi Monumentum" in the Light of His Meditative Lyrics of 1836]. *Kontseptsiya i smysl: Sbornik statey v chest' 60-letiya professora V. M. Markovicha* [Concept and Meaning. A Collection of Articles commemorating Ad Honorem Professor V. M. Markovich's 60th Anniversary]. St. Petersburg, Saint-Petersburg University Publ., 1996, pp. 125–139.

8. Proskurin O. A. *Poeziya Pushkina, ili Podvizhnyy palimpsest* [*Pushkin's Poetry or the Moving Palimpsest*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1999. 462 p.
9. Solovyov V. Znachenie poezii v stikhotvoreniyakh Pushkina [The Meaning of Poetry in Pushkin's Poems]. *Pushkin v russkoy filosofskoy kritike. Konets XIX–XX vekov* [*Pushkin in Russian Philosophical Criticism. Late 19th–20th centuries*]. Moscow; St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 1999, pp. 37–79.
10. Stark V. P. Stikhotvorenie «Otsy pustynniki i zhony neporochny...» i tsikl Pushkina 1836 goda [Poem «Hermits and Virgins...» and Pushkin's Cycle of 1836]. *Pushkin. Issledovaniya i materialy* [*Pushkin. Studies and Primary Texts*]. Leningrad, Nauka Publ., 1986, vol. 10, pp. 193–203.
11. Todes E. A. K voprosu o kamennoostrovskom tsikle [Studying Alexander Pushkin's Kamennostrovsky Cycle of Poems]. *Sbornik nauchnykh trudov «Problemy pushkinovedeniya»* [*Collection of Pushkin Studies: A Collection of Academic Works*]. Riga, P. Stuchka Latvian State University Publ., 1983, pp. 26–44.
12. Faustov A. A. *Avtorskoe povedenie Pushkina: Ocherki* [*Author's Behaviour of Pushkin: Essays*]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2000. 321 p.
13. Fomichev S. A. Posledniy liricheskiy tsikl Pushkina [Pushkin's Last Lyrical Cycle]. *Vremennik Pushkinskoy komissii* [*Pushkin Committee's Almanach*]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, vol. 20, pp. 52–66.
14. Eliade M. *Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya* [*Essays in Comparative Religion*]. Moscow, Ladomir Publ., 1999. 488 p.
15. Eliade M. *Svyashchennoe i mirskoe* [*The Sacred and the Temporal*]. Moscow, Moscow State University Publ., 1994. 144 p.